

§11 СВОБОДА МЫСЛИ, СОВЕСТИ, РЕЛИГИИ И УБЕЖДЕНИЙ

Дмитриева А. Г.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1960–1980-х гг.

***Аннотация.** Предметом исследования в статье являются особенности политических дискуссий в советской литературе 1960–1980-х гг. Объектом исследования выступают «реформаторы» и «консерваторы» литературного цеха, которые во многом на страницах журналов «Новый мир» и «Октябрь» сформировали основные темы политических дискуссий: преодоление «культы личности», отношения с Западом, коррупция, а также политические и экономические проблемы построения социализма, кризис социалистического реализма, возрождение национального характера и статуса русской культуры в условиях проникновения элементов западной, а также роль христианства в советском обществе. Методология исследования включает в себя сравнительный анализ советских литературных источников, в частности, журналов «Новый мир» и «Октябрь», исторических монографий, научных и литературных журналов, включая иностранные. К основным выводам исследования следует отнести следующее: политические дискуссии в советской литературе 1960–1980-х гг. позволили сформироваться новым идейно-теоретическим направлениям, которые легли в основу современной российской культуры: преодоление социалистического реализма в литературе и культуре, формирование путей возрождения национального характера, стремление отстоять и укрепить самостоятельный статус русской культуры, возрождение христианской традиции народа.*

***Ключевые слова:** советская литература, социалистический реализм, политические дискуссии, де-сталинизация, журнал «Новый мир», журнал «Октябрь», СССР, русская культура, национальный характер, партийный контроль.*

Review. *The subject of this work is the peculiarities of the political debates within the Soviet literature of the 1960-1980's. The object of the research is the "reformers" and the "conservators" of the literary segment, who established on the pages of the journals "New World" and "October" the key topics of the political debates: overcome of the "cult of personality"; relations with the West, corruption; political and economic difficulties in construction of socialism, crisis of the socialistic realism; revitalization of national character and Russian culture under the conditions of infiltration by the Western elements; and also the role of Christianity in the Soviet society. In the course of this work, the author conducted a comparative analysis of the Soviet literary sources (including the journals "New World" and "October"), historical monographs, and other Soviet and foreign scientific journals. In the conclusion it is stated that these political debates contributed into the formation of the new ideological and theoretical directions, which served as the foundation of the modern Russian culture.*

Keywords: *Russian culture, USSR, journal «October», journal «New World», destalinization, political debates, socialist realism, Soviet literature, national character, political control.*

В 1930-1950-е гг. в советской литературе, находящейся под партийно-государственным контролем, пространство для обсуждения актуальных политических вопросов было значительно ограничено, при этом в нем господствовал социалистический реализм как основной метод создания и утверждения общественно-политических идеалов. В период «оттепели» в 1950-1960-е гг. на страницах различных журналов стали подниматься проблемы, касающиеся роли социалистического реализма и социалистической литературы в утверждении советских ценностей и идеалов, возможных пределов «открытости» и антидогматичности социалистического реализма как метода, веры в возможность его обновления и сохранения в будущем, проблемы эстетического идеала, современного героя и его соотношения с героями литературы 1920-1930-х гг., художественного единства многонациональной советской литературы и национального своеобразия, воздействия научно-технической революции на литературу и др. [1].

В результате в литературной среде стало формироваться более плюралистическое пространство для проведения заочных политических дискуссий, отразившихся в появлении множества других литературных стилей (деревенская проза, городская проза, «окопная» литература и др.), отстаивающих альтернативные политические представления о месте человека в советском обществе и государстве, роли партии и направлениях развития страны. Таким об-

разом, можно говорить о том, что к началу 1960-х гг. монолитное единство советской литературы было разрушено, более того, помимо официальной литературной печати возникли самиздат и тамиздат, связанные во многом с явлением диссидентства, которые только стимулировали необходимость не только заочного, но и публичного литературного дискурса.

Политические дискуссии в советской литературе с начала 1960-х и в течение 1970-х гг., касающиеся процессов десталинизации, преимущественно происходили в двух журналах – «Новый мир» и «Октябрь», идеологические установки которых отражали «либеральную» и «консервативную» точки зрения на дальнейшее преодоление «культа личности» и направления развития страны. Политические дискуссии касались не только вопросов «культа личности», но и более широкого круга тем – от отношений с Западом, военного строительства, управления экономикой, коррупции в партии и обществе до перспектив строительства социализма. Исследование дискуссий, происходивших на страницах журналов, представляет интерес в том смысле, что обозначенные в те годы противоречия относительно данных вопросов с новой силой начали обсуждаться в 1980-е гг. на волне «перестройки» и получили свое разрешение в политических, экономических и социокультурных трансформациях советского государства и общества.

Следует отметить, что советская литература, особенно в лице крупнейших изданий,

испытывала на себе более или менее глубокое идеологическое воздействие партии, необходимо ретранслируя его на все общество. Это выразилось в существовании контроля советских и партийных органов СССР над деятельностью печатных изданий, принимавших для публикации те литературные материалы, которые вписывались в идеологическую матрицу как после соответствующей правки, так и без нее, либо отклонявших возможность их публикации. Любой автор сталкивался с необходимостью не только литературного, но и идеологического одобрения произведения редакторами издательств газет или журналов, Главлитом, партийными органами, однако многие авторы часто осуществляли самоцензуру, понимая возможные критические замечания, связанные с идеологическими требованиями к содержанию произведения.

Развернувшиеся в журналах политические дискуссии отражали происходившую в СССР борьбу между реформаторами и сторонниками постсталинской реакции. В СССР литература являлась важным политическим и идеологическим инструментом в руках партии, направленным на воспитание советских граждан в духе коммунистической идеологии и не допускающим существенного инакомыслия. Литература составляла часть во многом зависимой от идеологии советской культуры, по отношению к которой партия осуществляла фактическую монополию, равно как и по отношению к искусству, музыке, образованию и гуманитарным наукам. Появление на страницах данных журналов политических по своей сути дискуссий вызвало широкий культурный и общественный резонанс внутри советского общества, а также в партии и властных структурах. Дискуссии ставили под удар не только репутацию, финансовую стабильность и административную власть главных редакторов, непосредственно вовлеченных в литературный процесс, но и те группы интересов в Партии и государстве, от имени которых они выступали [2].

Центральной темой дискуссий была деятельность Хрущева как политического лидера, в частности, проводившегося им курса на преодоление «культы личности» Сталина, а также корректировка или частичная отмена данного

курса во времена Брежнева. Однако, не менее важными становились темы расширения автономии гражданского общества, обеспечения свободы слова в условиях политической и военной конфронтации с Западом. При этом важно отметить, что ни одна из сторон в идеологическом отношении в действительности не была простым идейным продолжением партии и ее руководителей в лице Хрущева и Брежнева, каждая из них была относительно самостоятельным и замкнутым литературным миром со своими законами развития.

Реформаторы, объединенные вокруг журнала «Новый мир» (К. М. Симонов, А. Т. Твардовский, В. А. Косолапов), стремились воссоздать в советской литературе эстетические приемы и ценности классической русской литературы как инструмента свободного выражения нравственных и интеллектуальных ценностей эпохи «оттепели».

Консерваторы, сторонники определенной реакции в советской политике и культуре, сгруппировавшиеся вокруг журнала «Октябрь» (Ф. И. Панферов, В. А. Кочетов, А. А. Ананьев), в своем творчестве стремились утверждать советские литературные нормы, в целом отражавшие взгляды партийного аппарата, а также политическую целесообразность того периода времени.

В процессе дискуссий реформаторы выражали недовольство частичным характером «де-сталинизации», а также формулировали основы альтернативной программы реформ. По сравнению с позицией консерваторов, выражавших идеи враждебности капиталистического окружения, реформаторы выступали по отношению к Западу как более открытый или скорее даже прагматичный партнер по диалогу. Реформаторы формулировали идеи ограничения чрезвычайно централизованного характера советской модели управления экономикой, предлагая взамен горизонтальную управленческую модель и государственное регулирование в рамках социалистического рынка. Для решения хронических проблем советской экономики, связанных с застоем в области развития сельского хозяйства, они предложили фундаментальную реорганизацию села на основе кооперативной системы

и ликвидации жестко вертикальной властной модели на местах во главе с «местными царьками». Они предложили взамен традиционного критерия профессионализма партийно-хозяйственного работника (идеологической и моральной бдительности) новый критерий профессионализма, подчиненный рациональным экономическим показателям [3].

Консерваторы выступали против одностороннего характера процессов десталинизации, затрагивающих в большей мере преодоление культа личности, но не приносящих существенной пользы совершенствованию политико-идеологической системы в СССР. В рамках их политических представлений не находила поддержки приоритетность экономического превосходства над Западом (взамен идеологического и военного), для них было неприемлемо возвышение потребителя, а не труженика, как основного бенефициара государства, которое могло привести, по их мнению, к смягчению политико-культурного контроля над обществом и открытию неравноценного культурного обмена с Западом. Консерваторы выступали за более осторожное или даже замедленное движение по пути реформ с возможными отступлениями вспять, где это было необходимо. Они готовы были укреплять образ непогрешимости и всемогущества партии и партийных работников, действующих на благо советского общества в условиях фактической поддержки враждебным западным окружением «пятой колонны» внутри страны. Критикуя реформаторов, они стремились оправдать особую роль партии в советском обществе, апеллируя к необходимости централизованного политического и экономического управления государством, сталкивающегося с никогда не заканчивающимися «временными экономическими трудностями». Для них политика хрущевской «оттепели» стала своеобразным вызовом и проверкой на прочность, при этом они видели в ней аналог коррупции, приводящей к необратимому ослаблению социализма. Пропаганда в среде рабочих «мелкобуржуазных» ценностей личного материального достатка могла, по их мнению, привести к потребительству и нездоровому инстинкту частного собственника, пропаганда в отношении интеллигенции могла привести

к чрезмерному влиянию буржуазной западной культуры, ведущей к индивидуализму и усилению в стране прозападного лобби, пропаганда в отношении партийно-государственных работников могла привести к их профессиональному искажению и ориентации на сугубо экономические стимулы в работе, отказу от «священного» нравственного и идеологического служения обществу. Все эти факторы отличали их от реформаторов, для которых именно сталинский период стал причиной роста партийной коррупции, неэффективности государственного управления и общего спада в общественном развитии.

Ориентируясь на поддержку и одобрение своей деятельности со стороны партийно-государственных органов, консерваторы в лице сторонников и руководителей журнала «Октябрь» формулировали идеалы нравственной чистоты, а также преданности партии и идеологии, находившие свое концентрированное выражение в лице военного сообщества, которое в отличие от общества, не было переполнено реформистским «грехом». Это привело к укоренению в среде «октябристов» догматов аскетизма, самопожертвования, вечной бдительности, подчинения их внешнеполитических взглядов общей логике военного противостояния с Западом [4].

Гораздо сложнее определить те группы интересов в партийно-государственном аппарате, которые явно или скрыто поддерживали «Октябрь» и «Новый мир», а также те элементы общества, для которых данные журналы публиковали свои материалы. В партии можно было встретить достаточное количество сторонников и противников необходимости реформ как на низовом, так и на самом высоком уровне – от Хрущева и Брежнева до местных партийных работников и партийных рабочих. Постоянная читательская аудитория «Нового мира» и «Октября» могла быть охарактеризована как состоящая преимущественно из представителей партийно-государственной и хозяйственной интеллектуальной прослойки, а также художественной интеллигенции, во многом урбанизированной и образованной, как правило, размышлявшей о перспективах развития своей страны, построения карьеры и сохранения привилегий, связанных с ней. Так, известными примерами

могут выступать директор Института США и Канады Г. А. Арбатов, директор Института мировой экономики и международных отношений Н. Н. Иноземцев, а также главный редактор журнала «Вопросы философии» И. Т. Фролов. Эти люди представляли собой интеллектуальную элиту советского общества, экспертов высокого уровня, возглавлявших научные институты и выпускавшие журналы, а также имевшие возможность непосредственно общаться с высшими государственными деятелями, членами Политбюро, министрами и военными [5].

Читатели «Нового мира» происходили преимущественно из крупных городов и были по профессии писателями, журналистами и учеными, для которых десталинизация открывала новые профессиональные и жизненные горизонты. Аудитория «Октября» состояла в основном из партийных функционеров местного и регионального уровней, а также жителей небольших городов и поселков. Это объясняется тем фактом, что аудиторию «Октября» составляли во многом секретари обкомом и райкомов партии, региональные «диктаторы», чьи карьеры были разрушены реформой политических структур партии в процессе десталинизации, а также простые рабочие и крестьяне, которые видели в десталинизации угрозу своим базовым политическим представлениям и сложившемуся на местах порядку [6].

Если в сталинский период местные партийные чиновники представлялись свою роль и статус в обществе и литературе в качестве положительных героев, то в хрущевский и брежневский период они выполняли функции адептов идеологической культуры, связанной с «Октябрем». В связи с этим они поддерживали сторонников восстановления сталинского периода в надежде восстановить свой прежний статус. Выигрышным союзом стало сближение «Октября» и военных кругов, чьим общим интересом выступила идея замораживания реформ и внутреннего инакомыслия.

Таким образом, внутренняя политическая эволюция советского истеблишмента отразилась на содержании и характере политических дискуссий в советской литературе, происходившей во многом на страницах журналов. Своеобразный пик данных дискуссий пришелся на

1960-е гг. и был связан со значительной открытостью в вопросах обсуждения десталинизации, преодоления «культы личности» и качественной трансформацией советского общества в период «оттепели», которое получило опыт критического отношения к сложным и противоречивым моментам истории страны.

В результате к 1970-м – началу 1980-х гг. социалистический реализм как основной метод советской литературы был на методологическом уровне дополнен методологическим «эмпиризмом», позволявшим интерпретировать общественный застой как особый этап динамического развития и вытеснять социально-экономические проблемы идеалистическим политическим дискурсом [7]. Характерно в этой связи молчание некоторых бывших «новомирцев», невозможность для них прямо выражать свои взгляды на материале современной литературы.

Однако политические дискуссии в литературе не могли заменить собой необходимые политические реформы советского государства в 1970-1980-е гг. Поэтому вплоть до распада коммунистического режима были во многом неэффективными партийные требования по идеологической активизации литературной критики, в частности Постановление ЦК «О дальнейшем улучшении идеологической, политическо-воспитательной работы» (1979 г.), акцентировании внимания на ответственности литературы и деятельности идеологической работы в материалах XXVI-XXVIII съездов КПСС (1981–1990 гг.).

Вследствие этого, к началу 1980-х гг. окончательно сформировался идейно-теоретический раскол между партийными требованиями к литературе и настроениями авторов, не принадлежавших или разочаровывающихся в идейной направленности партийно-идеологической литературы.

Так, в партийных документах и партийной печати поднимались вопросы об отклонениях современной литературы от марксистско-ленинской методологии, о неисторических, неклассовых тенденциях, об элементах богоискательства, идеализации патриархальных укладов деревни, неверной трактовке отдельных периодов советской истории, о необходимости преодоления мировоззренческой неразборчивости. Но при

этом был заметен недифференцированный подход к субъективным, методологически беспомощным идеологическим статьям, сглаживающим реально существующие общественные противоречия, и граждански смелым работам, ставящим важнейшие проблемы национального своеобразия истории и культуры России [8].

В независимой от партийного контроля литературе, во многом благодаря опыту политических дискуссий 1960–1980-х гг., а также параллельно возрождению ленинских социалистических принципов в культуре, к 1980-м гг. начали формироваться новые идейно-теоретические направления, которые легли в основу современной российской литературы и культуры:

1) осознание кризиса и усилия по преодолению социалистического реализма и социалистической этики в литературе и культуре;

2) формирование путей возрождения национального характера: концепция человека, героя-праведника как краеугольного камня русского национального характера, проецировалась на вопрос о национальной судьбе, отражая трагическую рефлексию относительно несовершенства мира и духовную устремленность к правде;

3) утверждение христианской традиции народа: смещение проблематики в сторону констант национального мировосприятия и этической основы крестьянского уклада закономерно привело к христианской традиции как духовной основе народного мира [9];

4) стремление отстоять и укрепить самостоятельный статус русской культуры по сравнению с западной в условиях «слепого» подражания последней.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Маслов Н. Н. Советское искусство под гнетом «метода» социалистического реализма: политические и идеологические аспекты (30–40-е гг.) // Отечественная история. – 1994. – № 6. – С. 160–173.
2. Добренко Е. А. Сталинская культура: двадцать лет спустя // Независимый филологический журнал, 2009, № 95. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/95/do.html> (дата обращения: 05.09.2015).
3. Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М.: Книга, 1990. 429 с.
4. Солодовник Л. В. Фактор идеологии в советском обществе: ретроспективный анализ в координатах идеологической безопасности государства и общества // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2012. – № 4. – С. 241–248.
5. Хоскинг Дж. Доверие и недоверие в СССР: общий обзор // Неприкосновенный запас. – 2013. – № 92 (6). – С. 70–97.
6. Вдовин А. И. Политика по укреплению новой исторической общности в годы «оттепели» // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/41257.php> (дата обращения: 15.09.2015).
7. Волков И. Ф. О многообразии форм в литературе социалистического реализма // Актуальные проблемы социалистического реализма. М., 1981. С. 21–35.
8. Кондаков И. Наше советское «все» (русская литература XX века как единый текст) // Вопросы литературы. – Июль–август. – 2001. – С. 3–69.
9. Георгиева Т. С. Христианство и русская культура. М.: Владос, 2001. 239 с. М. Е. Бойко Формализация литературно-критической деятельности // Культура и искусство. – 2011. – 6. – С. 112–115.
10. Колчина А. С. Писатели-эмигранты у микрофона «Радио Свобода» в 1970–1980-е гг. // Филология: научные исследования. – 2012. – 1. – С. 58–79.
11. Акопян К. З. Сталинщина сквозь призму страданий творческой личности: Размышления о книге Б. М. Сарнова «Сталин и писатели» // Культура и искусство. – 2012. – 2. – С. 21–29.
12. Сиземская И. Н. О внутреннем согласии русской философии и литературы // Философия и культура. – 2010. – 5. – С. 79–85.

13. С. А. Королев Советское / антисоветское: прототипы и смыслы // *Филология: научные исследования*. – 2013. – 2. – С. 143–156. DOI: 10.7256/2305-6177.2013.2.8975.
14. Королев А. А., Королева Л. А., Мошкин А. Н. К вопросу о периодизации диссидентского движения в СССР // *Социодинамика*. – 2014. – 3. – С. 43–49. DOI: 10.7256/2409-7144.2014.3.11152. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_11152.html.

REFERENCES

1. Maslov N. N. Sovetskoe iskusstvo pod gnetom «metoda» sotsialisticheskogo realizma: politicheskie i ideologicheskie aspekty (30–40-e gg.) // *Otechestvennaya istoriya*. – 1994. – № 6. – С. 160–173.
2. Dobrenko E. A. Stalinskaya kul'tura: dvadtsat' let spustya // *Nezavisimiy filologicheskii zhurnal*, 2009, № 95. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/95/do.html> (data obrashcheniya: 05.09.2015).
3. Simonov K. M. Glazami cheloveka moego pokoleniya. Razmyshleniya o I. V. Staline. M.: Kniga, 1990. 429 s.
4. Solodovnik L. V. Faktor ideologii v sovetskom obshchestve: retrospektivnyi analiz v koordinatakh ideologicheskoi bezopasnosti gosudarstva i obshchestva // *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*. – 2012. – № 4. – С. 241–248.
5. Khosking Dzh. Doverie i nedoverie v SSSR: obshchii obzor // *Neprikosnovennyi zapas*. – 2013. – № 92 (6). – С. 70–97.
6. Vdovin A. I. Politika po ukrepleniyu novoi istoricheskoi obshchnosti v gody «ottepeli» // *Obrazovatel'nyi portal «Slovo»*. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/41257.php> (data obrashcheniya: 15.09.2015).
7. Volkov I. F. O mnogoobrazii form v literature sotsialisticheskogo realizma // *Aktual'nye problemy sotsialisticheskogo realizma*. M., 1981. S. 21–35.
8. Kondakov I. Nashe sovetskoe «vse» (russkaya literatura XX veka kak edinyi tekst) // *Voprosy literatury*. – Iyul'–avgust. – 2001. – С. 3–69.
9. Georgieva T. S. Khristianstvo i russkaya kul'tura. M.: Vlados, 2001. 239 s. M. E. Boiko Formalizatsiya literaturno-kriticheskoi deyatel'nosti // *Kul'tura i iskusstvo*. – 2011. – 6. – С. 112–115.
10. Kolchina A. S. Pisateli-emigranty u mikroфона «Radio Svoboda» v 1970–1980-e gg. // *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. – 2012. – 1. – С. 58–79.
11. Akopyan K. Z. Stalinshchina skvoz' prizmu stradanii tvorcheskoi lichnosti: Razmyshleniya o knige B. M. Sarnova «Stalin i pisateli» // *Kul'tura i iskusstvo*. – 2012. – 2. – С. 21–29.
12. Sizemskaya I. N. O vnutrennem soglasii russkoi filosofii i literatury // *Filosofiya i kul'tura*. – 2010. – 5. – С. 79–85.
13. S. A. Korolev Sovetskoe / antisovetskoe: prototipy i smysly // *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. – 2013. – 2. – С. 143–156. DOI: 10.7256/2305-6177.2013.2.8975.
14. Korolev A. A., Koroleva L. A., Mol'kin A. N. K voprosu o periodizatsii dissidentskogo dvizheniya v SSSR // *Sotsiodinamika*. – 2014. – 3. – С. 43–49. DOI: 10.7256/2409-7144.2014.3.11152. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_11152.html.